

Дмитрий
Мережковский

ХРИСТОС
И АНТИХРИСТ
III

ПЁТР И АЛЕКСЕЙ

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
М52

Мережковский, Д.

М52 Христос и Антихрист III. Пётр и Алексей / Д. Мережковский. — М. : T8RUGRAM, 2018. — 478 с. — (Модное чтение).

ISBN 978-5-521-77931-4

Дмитрий Сергеевич Мережковский (1865—1941) — известный русский писатель, поэт, литературный критик, религиозный мыслитель, творчество которого входит в сокровищницу мировой литературы.

Знаменитая трилогия «Христос и Антихрист», включающая романы «Смерть Богов. Юлиан Отступник», «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» и «Пётр и Алексей» принесла автору мировую славу.

Заключительный роман трилогии перенесёт читателя в противоречивую эпоху петровских реформ и позволит прикоснуться к таинственным страницам истории России.

УДК 82-31
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-77931-4

© T8RUGRAM, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПЕРВАЯ. ПЕТЕРБУРГСКАЯ НЕВЕСТА	5
КНИГА ВТОРАЯ. АНТИХРИСТ	43
КНИГА ТРЕТЬЯ. ДНЕВНИК ЦАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ	82
КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. НАВОДНЕНИЕ	154
КНИГА ПЯТАЯ. МЕРЗОСТЬ ЗАПУСТЕНИЯ	200
КНИГА ШЕСТАЯ. ЦАРЕВИЧ В БЕГАХ	237
КНИГА СЕДЬМАЯ. ПЕТР ВЕЛИКИЙ	292
КНИГА ВОСЬМАЯ. ОБОРОТЕНЬ	322
КНИГА ДЕВЯТАЯ. КРАСНАЯ СМЕРТЬ	357
КНИГА ДЕСЯТАЯ. СЫН И ОТЕЦ	398
ЭПИЛОГ	436

КНИГА ПЕРВАЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ НЕВЕСТА

I

— АНТИХРИСТ хочет быть. Сам он, последний черт, не бывал еще, а щенят его народилось — полна поднебесная. Дети отцу своему подстилают путь. Все на лицо антихристово строят. А как устроят, да вычистят гладко везде, так сам он в свое время и явится. При дверях уже — скоро будет!

Это говорил старик лет пятидесяти в оборванном подьяческом кафтане молодому человеку в китайчатом шлафроке и туфлях на босую ногу, сидевшему за столом.

— И откуда вы все это знаете? — произнес молодой человек. — Писано: ни Сын, ни ангелы не ведают. А вы знаете...

Он помолчал, зевнул и спросил:

— Из раскольников, что ли?

— Православный.

— В Петербург зачем приехал?

— С Москвы взят из домишку своего с приходными и расходными книгами, по доношению фискальному во взятках.

— Брал?

— Брал. Не из неволи или от какого воровства, а по любви и по совести, сколько кто даст за труды наши приказные.

Он говорил так просто, что, видно было, в самом деле не считал взятки грехом.

— И ко обличению вины моей он, фискал, ничего не донес. А только по запискам подрядчиков, которые во многие годы по-небольшому давали, насчитано оных дач на меня 215 рублей, а мне платить нечем. Нищ есмь, стар, скорбен, и убог, и увечен, и мизерен, и приказных дел нести не могу — бью челом об отставке. Ваше премилосердное высочество, призри благоутробием щедрот своих, заступись за старца беззаступного, да освободи от одного платежа несправедливого. Смилиуйся, пожалуй, государь царевич Алексей Петрович!

Царевич Алексей встретил этого старика несколько месяцев назад в Петербурге, в церкви Симеона Богоприимца и Анны Проро-

чицы, что близ речки Фонтанной и Шереметевского двора на Литейной. Заметив его по необычной для приказных, давно не бритой седой бороде и по истовому чтению Псалтыри на клиросе, царевич спросил, кто он, откуда и какого чина. Старик назвал себя подьячим Московского Артиллерийского приказа, Ларионом Докукиным; приехал он из Москвы и остановился в доме просвирни той же Симеоновской церкви; упомянул о нищете своей, о фискальном доношении; а также, едва не с первых слов — об Антихристе. Старик показался царевичу жалким. Он велел ему прийти к себе на дом, чтобы помочь советом и деньгами.

Теперь Докукин стоял перед ним, в своем оборванном кафтанишке, похожий на нищего. Это был самый обыкновенный подьячий из тех, которых зовут чернильными душами, приказными строками. Жесткие, точно окаменелые, морщины, жесткий, холодный взгляд маленьких тусклых глаз, жесткая запущенная седая борода, лицо серое, скучное, как те бумаги, которые он переписывал; корпел, корпел над ними, должно быть, лет тридцать в своем приказе, брал взятки с подрядчиков по любви да по совести, а может быть, и кляузничал, — и вот до чего вдруг додумался: Антихрист хочет быть.

«Уж не плут ли?» — усумнился царевич, вглядываясь в него пристальнее. Но ничего плутовского или хитрого, а скорее что-то простодушное и беспомощное, угрюмое и упрямое было в этом лице, как у людей, одержимых одною неподвижною мыслью.

— Я еще и по другому делу из Москвы приехал, — добавил старик и как будто замялся. Неподвижная мысль с медленным усилием проступала в жестких чертах его. Он потупил глаза, пошарил рукою за пазухой, вытащил оттуда завалившиеся за подкладку сквозь карманную прореху бумаги и подал их царевичу.

Это были две тоненькие засаленные тетрадки в четвертую долю, исписанные крупно и четко подьяческим почерком.

Алексей начал их читать рассеяннo, но потом все с большим и большим вниманием.

Сперва шли выписки из святых отцов, пророков и Апокалипсиса об Антихристе, о кончине мира. Затем — воззвание к «архипастырям великой России и всей вселенной», с мольбою простить его, Докукина, «дерзость и грубость, что мимо их отеческого благословения написал сие от многой скорби своей и жалости, и ревности

к церкви», а также заступиться за него перед царем и прилежно упросить, чтоб он его помиловал и выслушал.

Далее следовала, видимо, главная мысль Докукина:

«Повелено человеку от Бога самовластно быть».

И наконец — обличие государя Петра Алексеевича: «Ныне же все мы от онаго божественного дара — самовластной и свободной жизни отрезаемы, а также домов и торгов, землевладательства и рукодельства, и всех своих прежних промыслов и древле установленных законов, паче же и всякого благочестия христианского лишаемы. Из дома в дом, из места в место, из града в град гонимы, оскорбляемы и озлобляемы. Весь обычай свой и язык, и платье изменили, головы и бороды обрили, персоны свои ругательски обесчестили. Нет уже в нас ни доброты, ни вида, ни различия с иноверными; но до конца смешались с ними, делам их навыкли, а свои христианские обеты опровергли и святые церкви опустошили. От Востока очи смежили: на Запад ноги в бегство обратили, странным и неведомым путем пошли и в земле забвения погибли. Чужих установили, всеми благами угобзили, а своих, природных гладом поморили и, бьючи на правежах, несносными податями до основания разорили. Иное же и сказать неудобно, удобнее устам своим ограду положить. Но весьма сердце болит, видя опустошение Нового Иерусалима и люд в бедах язвлен нестерпимыми язвами!».

«Все же сие, — говорилось в заключение, — творят нам за имя Господа нашего Иисуса Христа. О, таинственные мученики, не ужасайтесь и не отчаивайтесь, станьте добре и оружием Креста вооружитесь на силу антихристову! Потерпите Господа ради, мало еще потерпите! Не оставит нас Христос, Ему же слава ныне и присно, и во веки веков. Аминь!»

— Для чего ты это писал? — спросил царевич, дочитав тетрадки.

— Одно письмо такое же намерении подкинул у Симеоновской церкви на паперти, — отвечал Докукин. — Да то письмо, найдя, сожгли и государю не донесли и розыску не делали. А эту молитву прибить хочу у Троицы, возле дворца государева, чтоб все, кто бы ни читал, что в ней написано, знали о том и донесли бы его царскому величеству. А написал сие во исправление, дабы некогда, пришед в себя, его царское величество исправился.

«Плут! — опять промелькнуло в голове Алексея. — А может быть, и доносчик! И догадал меня черт связаться с ним!»

— А знаешь ли, Ларион, — сказал он, глядя ему прямо в глаза, — знаешь ли, что о сем твоём возмутительном и бунтовском писании я, по должности моей гражданской и сыновней, государю батюшке донести имею? Воинского же Устава по артикулу двадцатому: кто против его величества хулительными словами погрешит, тот живо-та лишен и отсечением головы казнен будет.

— Воля твоя, царевич. Я и сам думал было с тем явиться, чтобы пострадать за слово Христово.

Он сказал это так же просто, как только что говорил о взятках. Ещё пристальнее взгляделся в него царевич. Перед ним был все тот же обыкновенный подьячий, приказная строка; все тот же холодный тусклый взгляд, скучное лицо. Только в самой глубине глаз опять зашевелилось что-то медленным усилием.

— В уме ли ты, старик? Подумай, что ты делаешь? Попадешь в гарнизонный застенок — там с тобой шутить не будут: за ребро повесят, да еще прокоптят, как вашего Гришку Талицкого.

Талицкий был один из проповедников конца мира и второго пришествия, утверждавший, что государь Петр Алексеевич — Антихрист, и несколько лет тому назад казненный страшною казнью копчения на медленном огне.

— За помощью Божией готов и дух свой предать, — ответил старик. — Когда не ныне, умрем же всячески. Надобно бы что доброе сделать, с чем бы предстать перед Господом, а то без смерти и мы не будем.

Он говорил все так же просто; но что-то было в спокойном лице его, в тихом голосе, что внушало уверенность, что этот отставной артиллерийский подьячий, обвиняемый во взятках, действительно пойдет на смерть, не ужасаясь, как один из тех таинственных мучеников, о которых он упоминал в своей молитве.

«Нет, — решил вдруг царевич, — не плут и не доносчик, а либо помешанный, либо в самом деле мученик!»

Старик опустил голову и прибавил еще тише, как будто про себя, забыв о собеседнике:

— Повелено от Бога человеку самовластну быть.

Алексей молча встал, вырвал листок из тетрадки, зажег его о горевшую в углу перед образами лампадку, вынул отдушник, открыл дверцу печки, сунул туда бумаги, подождал, мешая кочергой, чтоб

они сгорели дотла, и когда остался лишь пепел, подошел к Докукину, который, стоя на месте, только глазами следил за ним, положил руку на плечо его и сказал:

— Слушай, старик. Никому я на тебя не донесу. Вижу, что ты человек правдивый. Верю тебе. Скажи: хочешь мне добра?

Докукин не ответил, но посмотрел на него так, что не нужно было ответа.

— А коли хочешь, выкинь дурь из головы! О бунтовских письмах и думать не смей — не такое нынче время. Ежели попадешься, да узнают, что ты был у меня, так и мне худо будет. Ступай с Богом и больше не приходи никогда. Ни с кем не говори обо мне. Коли спрашивать будут, молчи. Да уезжай-ка поскорей из Петербурга. Смотри же, Ларион, будешь помнить волю мою?

— Куда нам из воли твоей выступить? — проговорил Докукин. — Видит Бог, я тебе верный слуга до смерти.

— О доносе фискальном не хлопочи, — продолжал Алексей. — Я слово замолваю, где надо. Будь покоен, тебя освободят от всего. Ну, ступай... или нет, стой, давай платок.

Докукин подал ему большой синий клетчатый, полинялый и дырявый, такой же «мизерный», как сам его владелец, носовой платок. Царевич выдвинул ящик маленькой ореховой конторки, стоявшей рядом со столом, вынул оттуда, не считая, серебром и медью рублей двадцать — для нищего Докукина целое сокровище, — завернул деньги в платок и отдал с ласковой улыбкою.

— Возьми на дорогу. Как вернешься в Москву, закажи молебен в Архангельском и частицу вынь за здравие раба Божия Алексея. Только смотри, не проговорись, что за царевича.

Старик взял деньги, но не благодарил и не уходил. Он стоял по-прежнему, опустив голову. Наконец, поднял глаза и начал было торжественно, должно быть, заранее приготовленную речь:

— Как древле Самсону утолил Бог жажду через ослиную челясть, так и ныне тот же Бог не учинит ли через мое неразумение тебе, государь, нечто подобное и прохладительное?

Но вдруг не выдержал, голос его пресекся, торжественная речь оборвалась, губы задрожали, весь он затрясся и повалился в ноги царевичу.

— Смилуйся, батюшка! Послушай нас бедных, вопиющих, последних рабов твоих! Порадей за веру христианскую, воздвигни и досмотри, даруй церкви мир и единомыслие. Ей, государь царевич, дитяtko красное, церковное, солнышко ты наше, надежда Российской! Тобой хочет весь мир просветиться, о тебе люди Божии расточенные радуются! Если не ты по Господе Боге, кто нам поможет? Пропали, пропали мы все без тебя, родимый. Смилуйся!

Он обнимал и целовал ноги его с рыданием. Царевич слушал, и ему казалось, что в этой отчаянной мольбе доносится к нему мольба всех погибающих, «оскорбляемых и озлобляемых» — вопль всего народа о помощи.

— Полно-ка, полно, старик, — проговорил он, наклонившись к нему и стараясь поднять его. — Разве я не знаю, не вижу? Разве не болит мое сердце за вас? Одно у нас горе. Где вы, там и я. Коли даст Бог, на царстве буду — все сделаю, чтоб облегчить народ. Тогда и тебя не забуду: мне верные слуги нужны. А пока терпите да молитесь, чтобы скорее дал Бог совершение — буде же воля Его святая во всем!

Он помог ему встать. Теперь старик казался очень дряхлым, слабым и жалким. Только глаза его сияли такою радостью, как будто он уже видел спасение России.

Алексей обнял и поцеловал его в лоб.

— Прощай, Ларион. Даст Бог свидимся, Христос с тобой!

Когда Докукин ушел, царевич сел опять в свое кожаное кресло, старое, прорванное, с волосяною обивкою, торчавшею из дыр, но очень спокойное, мягкое, и погрузился не то в дремоту, не то в оцепенение.

Ему было двадцать пять лет. Он был высокого роста, худ и узок в плечах, со впалою грудью; лицо тоже узкое, до странности длинное, точно вытянутое и заостренное книзу, старообразное и болезненное, со смугло-желтым цветом кожи, как у людей, страдающих печенью; рот очень маленький и жалобный, детский; непомерно большой, точно лысый, крутой и круглый лоб, обрамленный жидкими косицами длинных, прямых черных волос. Такие лица бывают у монастырских служек и сельских дьячков. Но когда он улыбался, глаза его сияли умом и добротою. Лицо сразу молодело и хорошело, как будто освещалось тихим внутренним светом. В эти минуты напоминал он деда своего, Тишайшего царя Алексея Михайловича в молодости.